

Dohnal, Josef

Несостоявшееся редакторство сборников издательства "Знание" Л. Андреевым. Один эпизод из переписки М. Горького и Л. Андреева

Новая русистика. 2021, vol. 14, iss. 1, pp. 21-30

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2021-1-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/144180>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Несостоявшееся редакторство сборников издательства «Знание» Л. Андреевым. Один эпизод из переписки М. Горького и Л. Андреева

The Non-realized Editorship of the Almanacs of the Publishing House “Znanie” by L. Andreev. One Episode in the Correspondence between M. Gorki and L. Andreev

Йозеф Догнал

(Брно, Чешская Республика; Трнава, Словацкая Республика)

Abstract:

The fate of the intended editorship of the almanacs of the publishing house “Znanie” by L. Andreev is the main focus in this paper. The correspondence between the two Russian writers shows, that the editorship did not come true because of the irreconcilable difference in the concepts of Gorki and Andreev not only in the basic orientation of the almanacs (the ideological line, mass reader) but also in the sphere of collaborating writers who would come up to the criteria of “liberation of the human being” and of “democratic line” which had to become the main ideological targets of the almanacs. The fact that Andreev said no to the editorship and his reasons for such a step are considered to be evidence of his increasing self-confidence on one hand and of the rise of the incompatibility of the aesthetic opinions of both famous writers on the other hand.

Key words:

M. Gorki; L. Andreev; correspondence; almanacs of the publishing house “Znanie”; aesthetic opinions; Russian literature of the beginning of the 20th century

«Теперь лицевая сторона жизни — литература. Успехи мои растут. В редакции „Курьера“ я persona gratissima. Вчера получил письмо от М. Горького. Приведу его дословно». Так записал и действительно воспроизвел письмо Максима Горького Леонид Андреев в своем дневнике в записи от 6-го апреля 1900 г. [ANDREJEV 2009, 208]. Максим Горький в этом письме, как известно, проявил интерес к начинающему писателю, дал ему несколько наставлений и попросил прислать рассказ «о ницшеанце»¹.

Так начинались отношения известного уже писателя М. Горького с начинающим и неуверенным в себе писателем Л. Андреевым — с полного доверия, с жадного, напряженного ожидания реакции Горького. Потом завязалась дружба, пошли первые публикации, Горький привлек Андреева к близкому сотрудничеству с издательством «Знание» и с кругом «знаньевцев». Во многом благодаря этому сотрудничеству Андреев стал известным писателем, сознание своего таланта и своих достижений как писателя которого четче определилось, который точнее стал понимать и ценить специфические черты своего дарования и своего мироощущения. Как раз это и стало причиной одной несостоявшейся возможности более тесного вовлечения Андреева в деятельность издательства «Знание», как показывает переписка обоих писателей в 1907-ом году, на которую мы хотели бы обратить внимание.

Когда Андреев гостил на Капри у М. Горького в начале 1907 года, пытаясь найти силу смириться со смертью своей первой жены Александры Михайловны, оба писателя в разговорах касались и деловых вопросов. Одной из тем, на которую они обратили внимание, были и литературно-художественные сборники «Знания», уровень которых они хотели повысить. Тогда возникла идея, что Андреев станет редактором этих сборников. Андреев о такой возможности сообщил в письме от 22-го января (4-го февраля) 1907 г. А. Серафимовичу: «С осени я переезжаю в СПб. и становлюсь редактором знаниевских „Сборников“. И Горький и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно. И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика (Б. К. Зайцева) — сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало! Будут у нас и собрания — и журфиксы, — в грязь лицом не ударим! ... В сборнике будут только шедевры»². По тому, как Андреев выражается в письме, понятно, что представление о повышении

1 Это был «Рассказ о Сергее Петровиче». На то, что Горький не ответил немедленно, реагирует Андреев уже в дневниковой записи от 14-го апреля 1900 г.: «Меня беспокоит молчание Горького по поводу «Сергея Петровича». Начинаю сомневаться в достоинствах рассказа». [ANDREJEV 2009, 210].

2 «Московский альманах», 1. Москва — Ленинград, 1926, с. 299. Цитируется по: [Gor'kij... 1965, 287].

художественного уровня сборников было скорее всего его идеей, в которой он убеждал своих собеседников. По-видимому, оба они, с одной стороны, согласились с тем, что художественный уровень можно поднять, но, возможно и вероятно, что определенную роль сыграл и факт, что такое новое назначение Андреева могло, по их мнению, помочь ему выйти из сложного психического состояния, в котором чувствительный и склонный к депрессии Андреев находился. Перспектива активной творческой работы, оживленных контактов, возможности влиять на характер сборников — все это могло восстановить его жизненную энергию.

О том, что Андреев стал серьезно задумываться над тем, как взяться за это дело, свидетельствует его письмо к Горькому от 22-го июля (4-го августа) 1907 года, в котором он, кроме информации о том, как себя чувствует и как живет, напоминает о том, что он не только не забыл о своем новом назначении, но и уже многое продумал. Кажется, над своей новой ролью он задумался не поверхностно и, по сути, как раз вовремя, ведь предполагалось, что он станет эффективно руководить сборниками и полностью займется их редактированием с осени, т. е. где-то с сентября-октября 1907 г.

С этим связан и факт, что информация о его роли в сборниках «Знания» стала известной, и авторы, сотрудничающие с издательством, стали обращаться к нему с деловыми вопросами и требованиями, которые он не сумел сам решить: «Очень мешает отсутствие Константина Петровича³. Некоторые просят аванса, и дать необходимо, а как я могу? И вообще получается какая-то неопределенность. «Шиповник» же действует энергично. Когда придет Константин Петрович?» [Gor'kij... 1965, 284].

Важнее, однако, другое, о чем Андреев пишет — это вопрос, связанный именно с содержанием сборников. В этом деле Андреев имеет довольно ясные представления, но чувствует себя в ответе за то, что сборники, кроме повышения их уровня, сохраняют и свою ориентацию, что они будут соответствовать не только его личным предпочтениям, но и «линии» издательства. Письмо содержит и информацию, связанную как раз с этими вопросами: «Нужно собирать материал для сборника, вообще начать редакторствовать. Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них), а я и не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого. Как бы не вышло у нас недоразумений? Вообще, веришь ли ты, что я не подведу? Выбор материала будет у меня параллелен моей собственной работе: „буду помещать только то, что ведет к освобождению человека“. Точнее

3 Т. е. К. П. Пятницкого.

формулировать трудно, ибо все в конце концов дело такта и понимания. Так вот: как ты думаешь?» [Gor'kij... 1965, 284].

Андреев, видимо, чувствует определенные опасения, которые могли бы возникнуть в случае, если он станет действовать без согласия, или, как минимум, без ведома Горького, поэтому он обращается к нему с предложением («необходимо пригласить») и заодно с вопросом («как ты думаешь?»), причем напоминает о гуманистической линии сборников. Как раз с ней связано, кажется, самое большое опасение, касающееся прежде всего сохранения полного доверия к нему со стороны Горького («веришь ли ты, что я не подведу?»). Трудноразрешимая для него на данный момент триада требований, с которыми он подходит к редакторскому призванию, находит в данном письме яркое выражение.

Опасения Андреева оказались не напрасными, он предвидел, что разница в видении того, чьи тексты подходят для сборника, а чьи нет, может вести к недоразумениям. Горький отреагировал из Капри на его письмо почти непосредственно, придавая своему ответу таким способом достаточно высокую меру значения. В письме от 26-го ... 30-го июля (8-го ... 12-го августа) 1907 г. он в самом начале очень коротко сообщает, что формальные свои полномочия насчет авансов Андреев может решить с К. П. Пятницким, а потом приводит свои суждения о предлагаемых для сотрудничества писателях. Горький не ищет дипломатических выражений — свои отрицательные суждения он высказывает резко и сурово. Так, о Блоке он пишет: «Сей юноша, переделывающий на русский лад дурную половину Поля Верлена, за последнее время прямо-таки возмущает меня своей холодной манерностью, его маленький талант положительно иссякает под бременем философских потуг, обессиливающих этого самонадеянного и слишком жадного к славе мальчика с душой без штанов и без сердца. Нет, ты его оставь в покое года на три, может быть он подрастет за это время и научится говорить искренно о простых вещах — о том, что сейчас кажется ему изумительно премудрым и что уже сказано во Франции сильнее и красивее, чем это может сделать он». [Gor'kij... 1965, 287]. Еще более предосудительно смотрит Горький на Ф. Сологуба: «Старый кокет Сологуб, влюбленный в смерть, как лакеи влюбляются в барынь своих, и заигрывающий с нею всегда с тревожным ожиданием получить от нее щелчок по черепу; склонный к садизму Сологуб — фигура лишняя в сборниках „Знания“. Будь добр, не беспокой его ветхие дни и будь уверен, что он еще раз не напишет „Мелкого беса“, — единственную вещь, написанную им как литератором — с любовью, и, по-своему, красиво». [Gor'kij... 1965, 287–288]. Против С. Ауслендера Горький не имеет возражений, рекомендуя одновременно К. Сомова и уверяя Андреева, что: «Зайцев, Башкин, Муйжель, Ценский, Лансьер, Л. Семенов и еще некоторые из

недавних — вот, на мой взгляд, люди, с которыми ты мог бы сделать хорошие сборники». [*Gor'kij...* 1965, 287–288]. Этим он, однако, не заканчивает свою реакцию на предложения и вопросы Андреева, высказывая свои мысли по поводу идейного направления сборников. В его словах чувствуется совсем другое видение коренного идейного направления на «освобождение человека», которое Андреев делает основной идейной канвой сборников. Горький вторит ему: «Сборники „Знания“ — сборники литературы демократической и для демократии — только с ней и ее силою человек будет освобожден. Истинный, достойный человека индивидуализм, единственно способный освободить личность от зависимости и плена общества, государства, будет достигнут лишь через социализм, то есть через демократию. Ей-то и должны мы служить, вооружая ее нашей дерзостью думать обо всем без страха, говорить без боязни». [*Gor'kij...* 1965, 287–288]. Учитывая такое понимание «освобождения человека», Горький подытоживает и свои суждения по поводу творчества обоих Андреевым по именам выдвинутых писателей: «[...] этому „освобождению“ названные тобою люди — служить не в силах. Все это — старые рабы, люди, которые не могут не смешивать свободу с педерастией, например, для них „освобождение человека“ странным образом смешивается с перемещением его из одной помойной ямы в другую, а порою даже низводится к свободе члена и — только. [...] Указанные тобою Сологуб и Блок — боятся своего воображения, стоят на коленях пред своим страхом — куда уж им человека освобождать!» [*Gor'kij...* 1965, 287–288].

Скорость ответа и тщательное обоснование несогласия — свидетельство того, что М. Горький воспринял андреевские предложения как неприемлемые и реагировал на них довольно эмоционально. Его формулировки не свидетельствуют о том же тоне, каким характеризуется письмо Андреева. Если там — вопросы и тенденция к консультации, то в ответном письме встречается повелительное наклонение и резкие суждения, относящиеся к совсем другому ракурсу видения и идейного профиля сборников, и круга авторов, к которым надо обращаться с предложением сотрудничать. Примечательно и одно важное обстоятельство: Андреев обратился к Горькому с тремя вопросами, а ответ получил только на два. Наиболее важным для Андреева было уверение в том, что Горький ему полностью доверяет и что ему можно действовать довольно самостоятельно, т. е. что в рамках редакторской работы он сам может решать вопросы, связанные с тем, кого и что можно печатать, но такого уверения в письме не содержалось. Все это свидетельствует, кажется, о двух возможных причинах: первая заключалась в том, что дискуссии о сборниках и их редактировании на Капри проходили только на неконкретном, очень уж общем уровне, что крайне неправдоподобно — Андреев же писал

Серафимовичу, что его участие в редактировании сборников вытекает из продолжительных разговоров (а не из одного разговора!); вторая причина, более правдоподобная, была в том, как представлял себе сборники М. Горький и как можно было менять их по разговорам из Капри, ведь со времени разговоров кое-что изменилось. Трудно представить, что во время продолжительных разговоров ни Андреев, ни Горький не назвали бы конкретных писателей, чьи произведения смогли бы обогатить сборники или чьи просто печатать нельзя; крайне сомнительно то, что незатронутыми остались бы вопросы того основного пафоса, который подразумевается под направлением текстов сборника на «освобождение человека». Факт, что в письме Серафимовичу Андреев пишет о продолжительных разговорах, в том же письме приводятся конкретные имена писателей, о которых шла речь — все это наводит скорее на мысль о том, что оба писателя, задумываясь над конкретным выполнением их договора, почувствовали, что дело сложнее: с одной стороны (Андреев), нужна самостоятельность и правомочья в рамках полного доверия, а с другой стороны (Горький), убеждение, что существует опасность отхода от традиции, от идейного профиля, т. е. что сборники могут оказаться не такими, какими он их представлял и какими они были раньше. Во всяком случае, тут ощущается довольно твердая рекомендация Андрееву: придерживаться надо прежнего профиля сборников и по самостоятельному вкусу и усмотрению вне начерченного круга не действовать.

Если бы такую рекомендацию получил Андреев в 1900-ом году, он непременно бы стал ей придерживаться, считая это и дружеским советом, и инструкцией одновременно. Но в 1907-ом году он уже был признанным, любимым публикой автором, у которого сложилось представление и о мире, и о писательской работе, и о том, что укладывается в понятие «освобождение человека». Получив ответ Горького, Андреев, кажется, некоторое время тщательно обдумывал, как поступить, что и как ответить. Только 13-го августа (26-го августа), т. е. почти через две недели после того, когда до него дошло письмо Горького, Андреев отвечает. Его письмо длинно, обдуманно каждое предложение, каждое слово. Письмо начинается с пассажа об опасности нарушения хороших дружеских отношений между обоими писателями и об исключительно положительном отношении Андреева к адресату, в котором чувствуется и своего рода деликатная, завуалированная не только положительная оценка писательской деятельности Горького в данный период: «[...] быть может, среди всей русской пишущей братии, и не пишущей братии, один только я, твой друг и верный союзник, верно оцениваю твое положение, твой теперешний status. И то, что здесь считается твоим падением („социал-демократ, увлекается политикой и оттого талант падает“), один только я верно оцениваю

как новый подъем на новую огромную, небывалую высоту. И если теперешние писания твои не удаются тебе и еще долго не будут удаваться, то причина — в новизне и гениальности твоего нового, теперешнего, мироощущения, мирочувствования. [...] Все слова, как дешевая колбаса, начинены всякой дрянью, — как трудно, как невозможно построить из них то безгранично новое, совсем новое, что является сейчас душою твоею, перед чем самое тело твое и рука твоя и *мысль* твоя являются старыми». [*Gor'kij...* 1965, 289–290]. Только потом Андреев подходит к самой важной информации: «Дело же в том, что я отказываюсь вести сборники „Знания“, и причина в различном отношении нашем к писателям и более того — в различном отношении к самой задаче сборников». [*Gor'kij...* 1965, 290]. Соображая, что это может вызвать и недовольствие, и непонимание со стороны Горького, Андреев — опять по возможности деликатно — ищет аргументы, при помощи которых ему удалось бы передать поводы, из-за которых он считает невозможным стать редактором сборников: «В оценке Блока, Сологуба и прочих «декадентов» я в значительной степени, как ты знаешь, согласен с тобой. Расходясь с тобою (частью) в оценке их таланта (Блока, например, я считаю талантливym весьма), в одном, и самом главном, я подаю тебе руку: все они не демократичны. [...] их смутные поиски, порою барсколенивые, каких-то новых тончайших ощущений, их оторванность от массы, с ее проклятыми вопросами — все это делает их не демократами. И если бы я вздумал издавать журнал или книги для народа, для масс — они были бы последними, кого я мог бы пригласить». [*Gor'kij...* 1965, 290, 292].

Слова Андреева свидетельствуют о том, что он пытается учесть в своей аргументации два основных фактора, два приоритетных критерия, отстаиваемые Горьким: творческий метод и «демократичность», понимаемую Горьким как то, что приспособливается к «массе» и «поднимает», «освобождает» ее, что он выдвигает в качестве основной цели сборников. И сознающий свое место в русской литературе, Андреев продолжает: «Но в такой журнал я не пригласил бы и Андреева Леонида — ибо как он ни демократичен по существу своему, — по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они. Разве демократичен „Елеазар“ или „Жизнь Человека“, или даже пресловутый «Красный смех»? Отнюдь». [*Gor'kij...* 1965, 292]. И, продолжая свою аргументацию, Андреев указывает на второй полюс, как раз противоположный приоритету его друга: «Но если принять другую задачу, ту, которую я хотел поставить и для сборников «Знания», то станет все по-другому. Задача же эта: свободная человеческая мысль, вечно пытающаяся, вечно ищущая, и как лучшее выражение ее — искусство, литература. С этой стороны и Блок и Сологуб и я сам приобретают иную ценность. Пусть плохо — но они ищут; пусть недостаточно мудро — но они мыслят; пусть они рабы — но рабы, которые

жаждут свободы. И литературу они любят, быть может, даже больше, чем мы, — ибо утверждают ее самоцельность, работают над нею неустанно, тормозят ее ежечасно». [Gor'kij... 1965, 292].

Аргументацию заканчивает Андреев ясно и твердо, как будто напоминая о беседах на Капри и о их результате, который, по его мнению, упущен: «И выходит отсюда, что редактировать сборники я не могу. Пригласить Блока, Сологуба и др., то есть тех, которые, по моему мнению, сейчас наиболее хорошо служат литературе мысли, я не могу; других я не вижу и не знаю. Оставить же сборники, какие они есть и только ставить марку, ты сам понимаешь, дело выходит ни к чему». [Gor'kij... 1965, 292]. Из приведенной цитаты вытекает, что Андреев по сути говорит, что ценностная шкала, по которой он судит о современной литературе, резко разошлась с ценностной шкалой Горького. Он одновременно приурочивает самого себя к тем писателям, которые «жаждут свободы», видимо, не только в своих произведениях, но и на деле, в том, как они поступают в повседневной жизни — и он, Андреев, не хочет быть ограничен в своих действиях в качестве редактора сборников. Как раз это вытекает из последующих строчек его письма: «Размышляя о своем редакторстве и редакторстве вообще, я пришел к выводу, что оно должно быть единоличным, а не коллективным, как думал раньше. Ибо редактировать, как и сочинять рассказы, нужно так, чтобы наиболее полно выражалась и в рассказах (своих или чужих) воплощалась твоя личность. И будь бы мы с тобою совершенно согласны, выходило бы так, что редактирую я один, или ты один, безразлично. А раз мы расходимся — нас будет двое, и будет ерунда». [Gor'kij... 1965, 292, 295].

Многое сказано Андреевым в этом письме: и об оценке творчества самого Горького, и о том, что Горький долго находится за границей, и о том, как он представляет себе сборники «Знания», и о современной ему литературе, и о конкретных авторах, и о том, что он ценит в литературе, и о том, кем он себя мнит. Но самое важное, что он не выражает при помощи слов — это факт, что он стал самоуверенным, что он и как личность, и как писатель не хочет и не может отречься от своей индивидуальной художественной тропинки, что не хочет и не может подчиняться «тенденции», «линии», с которой он не согласен. Хотя он не хочет разойтись с Горьким, он одновременно не хочет угождать его взглядам. Опасение, что Горький отреагирует резко, можно заметить в пассаже, который заканчивает тему редакторства сборников: «Не сердись на меня, Алексеюшка! Мне очень жаль, что так выходит, но ничего ведь не поделаешь. И разногласие наше, достаточное для того, чтобы я не мог редактировать сборниками, по существу не заходит глубоко и — для меня, по крайней мере, — нисколько не задевает и не колеблет нашей глубочайшей и крепчайшей внутренней связи. И если ты даже рассердишься на меня и скажешь пренебрежительно: „а ну его

к чёрту с его педерастами!⁶, я увижу в этом только коротенькое недоразумение, и больше ничего». [Gor'kij... 1965, 295].

Реакция Горького на отказ содержится в его письме Андрееву от 20-го ... 30-го августа (2-го ... 12-го сентября) 1907 г. На развитую аргументацию Андреева отвечает Горький сначала сжато, начиная с утверждения, что отказ редактировать сборники его не обидел. «Ведь, если ты вспомнишь, я не особенно горячо защищал необходимость для тебя занять позицию редактора и указывал, что тебя ожидает куча разных знакомств, потупляющее чтение рукописей — по пуду в неделю, не менее». [Gor'kij... 1965, 296]. Горький и убеждает Андреева в своей дружбе с ним: «А насчет сердитьбы и разных обид — брось раз навсегда. Сердиться — законно, но — не по пустякам. Я же тебя и люблю, и умею любоваться тобой, [...]» [Gor'kij... 1965, 298]. Сжато сформулировано и мнение Горького о том, каким способом хотел Андреев редактировать сборники: «Говоря серьезно, — о редакторстве, в том виде и смысле, как ты представлял себе, — не может быть речи». [Gor'kij... 1965, 296].

Горький потом приводит целый ряд своих впечатлений о русской литературе, как бы вторя Андрееву и показывая ему, насколько (не) ценит творчество конкретных писателей — Гиппиус, Кузмина, Блока, напоминая о том, что он понимает под настоящим демократизмом: «Для меня демократизм — вера в потенциальную творческую силу народной массы, являющейся — как вселенная — источником всех возможностей, способной создавать Толстых и Леонардо да Винчи, Эсхилов и Шекспиров». [Gor'kij... 1965, 298].

Кажется, эпизод с несостоявшимся редакторством сборников «Знания», не разлучил обоих друзей. Но он, по нашему мнению, очень ярко демонстрирует, насколько они уже в это время разошлись в своих взглядах и на общественную роль литературы, и на эстетические критерии, по которым оценивают художественные произведения. Отказ Андреева от редакторства также показал, насколько самостоятельным и самоуверенным, независимым от мнения М. Горького он стал в течение довольно короткого времени своей писательской карьеры. Андреев 1907-го года — это совсем другая личность, чем в 1900 году...

Библиография:

ANDREJEV, L. N. (2009): *Dnevnik. 1897–1901*. Moskva.

Gor'kij i Leonid Andrejev. Neizdannaja perepiska. (1965) Literaturnoje nasledstvo. T. 72.
Red. I. S. Zil'berštejn. Moskva.

About the author

Josef Dohnal, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic; University of Ss. Cyril and Methodius, Faculty of Arts, Department of Russian Studies, Trnava, Slovakia, josef-dohnal@volny.cz